

Даниил Чалов, сооснователь объединения «Ничего Обычного», экс-защитник «Витебска», сербской «Инджи», «Мордовии» и других клубов

Мне 27 лет, и это круто, прям супер. Точно чувствую себя лучше, чем в двадцать. Все больше нравится мое состояние с каждым годом. Когда в футбол играешь и эмоции чуть утихают, начинаешь хотя бы ощущать, что происходит. Перестаешь слишком много париться. Думал, что никогда не приду к этому состоянию.

С годами приходишь к слову «баланс». Это ощущение того, что можно иногда контролировать происходящее, прям классная штука. Излишняя мотивация – хуже этого ничего не может быть, мне кажется. Ты просто начинаешь ненавидеть то, чем занимаешься.

У меня вообще в принципе вся футбольная жизнь — путь через тернии. На каком-то этапе, лет в 17-18, это помогало. Встаю в там в 5:15 утра, от метро «Сокол» или «Аэропорт» еду на «Комсомольскую», сажусь в электричку, два с половиной часа еду в Тверь, тренируюсь на просмотре в «Волге». Потом еду обратно (потому что на базе нет места) — чтобы завтра проснуться, опять в 5:15 ехать три часа на тренировку, спать в поезде. И ты не знаешь, сколько это продлится, что и как будет, что вообще надо и не надо.

Ты просто идешь. Смотришь что-то, читаешь мотивационную литературу. В определенные моменты стакан наполняется, вода начинает растекаться. Становится тяжело. Ты себя грузишь. Был период, когда я играл в «Томи» [в сезоне-15/16]. После Хабаровска приехал туда как молодой чувак, который заигран за молодежную сборную, за сборную ФНЛ. Я и в Анжи тогда на сборы с к Юрию Семин.

В Томске — команда под выход в Премьер-лигу. Думаю: «Ну все, новый этап. Буду играть». И меня практически вообще не ставили играть. Вышел в Томске на шесть-семь матчей. На этом фоне я себя начал загонять, как это любят делать. «Да ты еще больше работай! Если у тебя не получается, надо еще больше сделать! Ты профессионал. Посмотри, что делает Криштиану Роналду! Люди не расстраиваются, а идут в зал и работают!» И я каждый день работал по тысяче часов. Приходил за час, уходил через три часа после тренировки. Вечером выходил сам, что-то делал еще. Не сыграл — и никакого отдыха. Завтра утром встаешь и идешь тренироваться.

Ощущение, что ты себя бьешь дубиной каждый раз по голове — типа, пока не достигнешь какую-то цель. Ты еще больше сковываешься, у тебя еще меньше получается — намного меньше, чем когда отпускаешь ситуацию. Если бы в этот момент сказали: «Слушай, это последняя неделя, дальше ничего не будет» — ты просто лучший был бы эту неделю. Ты просто отпустил бы себя.

А эта излишняя мотивация... Я провел в Томске полгода, приехал зимой — и, во-первых, пошел к психологу. Во-вторых, при мысли о том, что надо ехать на сборы, было просто плохо. Не хотел ехать. Я думал, как как вообще, как с этим быть. Вот о чем истории про «надо работать».

Вообще слово «работать» в футболе надо исключить. Надо играть, а не работать. А смысл работать-то? Футбол — это игра. Футбол чтоб работать создан?

Это не значит, что ты должен просто кайфовать, что тебе абсолютно все равно. Есть такая книга «Теннис. Психология успешной игры», ее мне посоветовал через интервью Sports.ru Генрих Мхитарян — одна из тех, что повлияли на меня внутренне. Там есть такое понятие — «расслабленная сосредоточенность». Ты ощущаешь момент, когда у тебя реально получается, просто отпускаешь и делаешь, что умеешь. Если ты уже стал профессионалом в каком-то деле, у тебя есть набор навыков. И излишняя мотивация, подбадривание, слово «работа» — это для тех, кто не может найти удовольствие, игру. Долгосрочно, на мой взгляд, именно кайф и работает. Ты можешь заставить человека работать и делать, что скажут, но это продлится-то короткий промежуток времени.

А если у тебя внутри нету счастья, кайфа и радости от игры, то смысл? «Надо», «необходимо», «соберись», «успокойся», «вы должны» — если этого всего сверху будет больше, результат лучше не станет.

ФОТО

Футбол — это не то, что ты думал. Мир не ограничивается тренировкой и игрой. Это сложно понять профессионалу игроку, который с шести лет занимается футбола. У него одна цель, один путь, больше ничего в жизни. Сборная России — цель, условно, у 50 процентов футболистов, которые сейчас играют в том числе во второй лиге. С годами эта цель трансформируется, появляется семья.

И только пять процентов играют в хороших клубах и зарабатывают. Все СМИ говорят только о них. Это странно. Их мало. Это это не футбол, это просто часть людей. Хочется, чтобы футбол не ограничивался этими пятью процентами людей с зарплатами и скандалами. Чтобы вырастала футбольная культура. Чтобы из «Ничего обычного» выросла история, которая расширяла бы игру изнутри. Чтобы футбол был наполнен не типичными мыслями из интервью после матча, не одними и теми же вопросами.

Футболисту в детстве неважны деньги. «Просто буду играть, потому что люблю футбол. Если вы меня пригласите — бесплатно готов», — такие слова часто звучат. А потом появляются семья, обязательства, кредиты. И начинаешь себе говорить: «Там пятьдесят тысяч, здесь сто. Надо думать, конечно, про условия. Хочу зарабатывать больше — не тысячу долларов, а две, я работаю для этого. Кредит закрою, квартиру куплю».

Вы меня в такой момент поймали — я понял, что обманывал себя, говоря о том, что мне важны эти условия. Я вообще не этим руководствуюсь в футболе. Мне кажется, человек прежде всего, человек делает выбор внутри себя — там истинные причины решений. Самый простой вариант — сказать, что поехал за деньги или не за деньги, но в редких случаях это происходит только из-за них. На самом деле это не так.

Я думал, что ты взрослый дяденька-профессионал: работаешь, приносишь деньги, строишь квартиру, платишь кредиты. Очень важен вечный доход, без вопросов. Но это не то, почему мы играем футбол.

«Ничего обычного» для меня не работа. И футбол — не работа. Деньги не будут зарабатывать, если ты будешь работать. Созидать и работать — разные вещи.

Что мной движет двигает? В десять лет ты ехал с мамой после игры, заезжал в «Макдональдс» — потому что выиграл, молодец. И ты едешь так в 27 лет. В детстве ты просто играл, ради чувства победы. Ты его не купишь, не придумаешь, с ним ты не подпишешь контракт.

Может, ради этого чувства люди и играют футбол. Не признаваясь себе — в чувствах же сложно признаваться. Про любовь вообще невозможно сказать.

Мы очень много времени вместе, всегда играли в футбик. Очень много. Я счастлив, что в детстве нас не заставляли тренироваться, что-то делать вне желания. Мы каждый год Новый Год заставляли папу выходить в три часа ночи на улице и играть в футбол с нами на снегу. Сейчас я думаю: папа, наверное, уже хороший. Но если [все] не хотели – мы все равно заставляли и шли играть.

Где меня заставляли, так это в музыкальной школе. Мне кажется, все, кто там занимается, ее ненавидят. Это очень, очень сложно. Я закончил музыкальную школу, прошел эти семь лет. Прятался в шкафу от папы, закрывался вещами. А он меня вытаскивал. Фортепиано, особенно когда играешь классику – для меня это был стресс дикий всегда. Любое даже занятие с папой. А футбол – наоборот: мы сами хотели и играли.

Хотя сейчас я сам к музыке вернулся. В некоторых городах, где я играл, раз в неделю хожу заниматься фортепиано, чтобы вспомнить что-то. Даже в Белграде тоже нашел человека и занимался.

— Федя играл на флейте. Ему была в кайф музыка?

— Не думаю. Это не музыка. Это музыкальная школа. Но его заставляли всегда играть на флейте — и он демонстрировал это [что заставляли]. Кстати, мне кажется, сейчас он может спокойно на флейте зафигачить что-нибудь интересное.

Учились примерно одинаково, хорошисты без троек. Федя активный чувак был в детстве. У меня перед глазами картинка: Федя играет с моим годом рождения тренируется в «Юном Динамовце» (1994-м, у Федора — 1998-й — Sport24), маленький коренастый клоп, такой плотненький. Мощный достаточно. Я его обзывал толстым, но он не был толстым никогда. А к 16-17 годам [Федора] у нас похожее стало телосложение.

Я всегда был худой дрищ. Меня напрягало, почему у меня такие худые руки: у пацанов видны бицепсы, а у меня как у девочки.

Как мы с Федей попали в школу «Юный динамовец»? Как-то я сказал маме, что хочу заниматься футболом: «Совмещу с музыкальной школой, все сделаю». Мы пошли на районную секцию, был турнир «Кожаный мяч» Там

был тренер усатый тренер, Игорь Юрьевич Гусев. После игры подозвал меня: «С родителями подойди». Я подошел. Гусев сказал: «Хотите – приходите в «Юного динамовца». Вот ваш ребенок норм. Попробуйте». Я такой: «Мама, давай». Она согласилась — рядом, на «Речном вокзале».

И подошел папа, у него Федя на плечах (шесть-семь лет): «Слушайте, а вот возьмете этого?» Гусев говорит: «Да куда? Он вообще маленький» — «Да возьмите. Пусть тренируется» — «Ладно, пусть приходит».

О характере Чалова

Первая слава, потом неудачные сезоны, срыв трансфера в «Кристал Пэлас» — все это наверняка влияет, это груз для любого человека. Хотя внешне не скажешь. У нас в семье нет такого, что мы супероткрыто показываем чувства. Нам не говорили с детства каждые пять минут: «я тебя люблю», «мой хорошенький мальчик». Такого вообще не звучало никогда.

Сильные внутренние переживания ты можешь даже не заметить. Мне звонит мама например, и что бы ни происходило, я говорю: «Все хорошо. Все нормально». Это как бы и плохо, и в то же время ты неуязвим.

Мы с Федей очень разные. Он не такой эмоциональный, как я не будет сидеть и рассуждать долго. Вообще не супер много разговаривает, мысль не растекается по древу. Достаточно рационален. Но внутри него, конечно же, происходят какие-то вещи.

Когда ты русский футболист из тех пяти процентов, то каждое твое действие освещается. Это наверняка влияет. Если будешь на это обращать внимание, включаться эмоционально, внутренне как-то с этим себя соприкасать — то, мне кажется, сойдешь с ума. Это невозможно. Любое твое действие хотят интерпретировать — особенно если ты закрытый персонаж и что-то сделал не так. Всем надо найти причину, причину.

Знайте: если профессиональный футболист включается в дискуссию — он ментально супер-развитый человек. Артисты к идут к славе, а футболист не сталкивается в детстве с этим. Его не учат тому, что к нему будет огромное внимание. Твоя игра не подразумевает, что ты должен все время отчитываться за свои действия. Ты должен играть. А эмоции, реакция влияют плохо.

Сербия – как играл в «Инджии»

Я первый раз был в стране, где я не местным, где чувствовал себя легионером. Сербы любят русских, очень. Мне все говорили: «Русо! О, брат, ты русо!» В принципе, к русским хорошее отношение. Но все равно другая культура. Сербский и русский язык вроде похожи, а на самом деле разные. Эмоционально у нас есть различия с сербами. Они такие южные активные здоровые мужики.

Сербская лига физически очень мощная. И на тренировках все прям плотно, жестко даже. Вот.

Обычно я немного общаюсь вне поля. Хотя как тренер пошутил, что пацаны между собой говорят — это важно, чтобы понимать атмосферу команды. А тут сидишь в раздевалке — и будто не до конца внутри. И это влияет на игру: не чувствуешь партнеров до конца. Первый раз я почувствовал такой длинный период адаптации. Это тоже повлияло на то, что не получилось там много отыграть. Когда я понял культуру, месседж, который до меня доносили, стало более-менее спокойнее.

Сербия – это не «Партизан» или «Црвена Звезда» Звезда. Сербия – не Европа. Сербия – это, во-первых, когда у тебя задержки в зарплате. Сейчас август, до сих пор должны. Во-вторых, тебе не делают рабочую визу. Русским без нее можно находиться в Сербии до 30 дней. И представьте: едет русский, француз и двухметровый гамбиец — на границу с Боснией. За рулем — сидит сербский администратор, его зовут Джуги. «##ень ту пичку мавре курве», — на этом словарный запас заканчивается. Одной рукой он бесконечно курит — сигарета заканчивается, и как в компьютерной игре появляется новая.

Никто не понимает, что происходит. Джуги смотрит в окно, просто убирает руки с руля. Гамбиец держит руль. Говорит: воцап, мэн? Я перевожу на английский то, что говорит Джуги — потому что сербский и русский чуть

похожи. Подъезжаем к границе с Боснией. И вот так визараним каждый месяц. Просто заезжаешь и выезжаешь. Я не знаю, законно это или нет.

Белград — это Москва девяностых-нулевых. У меня там было хорошее ощущение, с привкусом ностальгии. 1998-1999 год, я смотрю в окно и вижу Гидропроект — это район Сокол в Москве, как альбома «Земфиры». У нас пошло в одно измерение, вверх — а у них в минус первое измерение.

В Сербии все по-нашему. В раздевалку любит зайти губернатор — не директор, а, условно, главный в команде, как у нас любят. Везде заправки «Газпрома».

— Мне рассказывал вратарь Иван Коновалов, что в Сербии обожают Путина.

— Да-да. Но, кстати, там сейчас то же самое [что в России]. Молодежь не очень позитивно настроена к президенту Вучичу. Меня спрашивали: «А что Путин? Как у вас там Путин? Вы его тоже не любите, как мы Вучича?» Я говорил: «Путин интересный персонаж, конечно. Наша молодежь тоже достаточно либеральных взглядов. Не все любят Путина, Многие хотят, чтобы что-то поменялось в стране.

Я жил на пересечении реки Дунай и Сава — будто на границе, там, где 150 лет назад проходила граница между Османской империей и Австро-Венгрией. Район Новый Белград. Классические такие бетонные дома 40-50-х. Белград — он вот такой: весь бетонный, в граффити. Реально как здоровый лысый серб.

Я жил на стороне Османской империи. Переходил мост через Саву, слева видел дунай. И попадал на изгибы улочек — как у нас говорят, в Европу. И ты по-другому себя там чувствуешь. Шел туда позаписывать что-то (я в виде заметки, у меня их несколько тысяч) — и возвращался к лысому мужику.

Если вы в Москве, проезжайте по Волоколамке в сторону Тушинской. И там справа разрушенные здания. И вот представьте, что так же разрушен кусок здания на Тверской. И вот это у сербов, это в центре Белграда. Мне непонятно, как в XXI веке может быть так? Зачем оставлять такое напоминание? С другой стороны — так текущая власть напоминает о том, что не надо нам туда идти.